

СОЦИАЛЬНЫЙ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ И ПАРТИЙНЫЙ СОСТАВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ В 1920-е гг.

Аннотация.

Актуальность и цели. С 90-х гг. XX в. положение интеллигенции в обществе кардинально изменилось. Из «прослойки» она превратилась в активную созидательную силу, играющую значительную роль в экономике, политике, культуре. Особое место в ее рядах занимает художественная интеллигенция, поскольку именно она обладает уникальными средствами влияния на массы, которыми ни научная, ни техническая интеллигенция не обладает, – силой художественного образа, силой слова, обращенного к массе. Этим определяется ее роль в современном обществе. В первые же десятилетия советской власти государство особенно нуждалось в ней как в проводнике новой идеологии, поэтому планомерно формировало верную режиму интеллигенцию. Цель настоящей работы – изучить социальный, национальный, профессиональный состав, уровень образования художественной интеллигенции Пензенского края в контексте общероссийских тенденций.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов, извлеченных из фондов Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Пензенской области: протоколов заседаний Правления союза работников искусств, книги личного состава Пензенского губернского отделения профессионального союза работников искусств, анкет членов Пензенского губсоюза «Рабис» и др. Методология статьи базируется на традиционных для исторических исследований принципах объективности, историзма, ценностного подхода. Используются методы сравнения, анализа, обобщения. Особое значение для решения исследовательских задач имеет концепция социального конструкционизма, или теории конструирования новой социальной реальности, в рамках которой художественная интеллигенция предстает в ранге объекта и одновременно инструмента государственной политики по формированию новой культурной идентичности, ориентирующей социум на восприятие ценностей модернизма. Высокую познавательную ценность для данного исследования имеет теория модернизации, представленная в историко-культурологическом ключе, ратующем за приоритет духовных процессов.

Результаты. Исследован социальный, национальный, профессиональный, партийный состав, уровень образования художественной интеллигенции Пензенского края в контексте общероссийских тенденций.

Выводы. Полученные в результате исследования данные объясняют политику государства в отношении художественной интеллигенции в первые десятилетия советской власти, позволяют проследить причинно-следственные связи в процессе формирования творческой интеллигенции новой формации, а также обусловленность процесса экономическим состоянием и аграрной спецификой Пензенского региона в рассматриваемый период. Крайняя узость социальной прослойки, ответственной за воспроизводство идеологической модели, примиряющей крестьянскую цивилизацию с идеалами современного общества, и мощное влияние традиционализма отодвигали задачу объединения расколотого общества на весьма отдаленную перспективу, что препятствовало успеху индустриализации.

Ключевые слова: художественная интеллигенция; социальный, национальный, профессиональный и партийный состав.

L. Yu. Fedoseeva, T. V. Gavrilova

SOCIAL, NATIONAL, PROFESSIONAL AND PARTY COMPOSITION OF THE ARTISTIC INTELLIGENTSIA OF PENZA REGION IN 1920s

Abstract.

Background. Since the 1990-ies the position of the intelligentsia in society has changed radically. From the «stratum» it turned into an active creative force, playing a significant role in the economy, politics, and culture. A special place in its ranks is occupied by the artistic intelligentsia, since it has unique means of influencing the masses, which neither the scientific nor the technical intelligentsia possesses – the power of the artistic image, the power of the word turned to the masses. This determines its role in modern society. In the first decades of Soviet power, the state particularly needed it as a conductor of a new ideology, and so it systematically formed an intelligentsia loyal to the regime. This article is aimed at studying the social, national, professional composition, the level of education of the artistic intelligentsia of the Penza region in the context of all-Russian trends.

Materials and methods. The implementation of research tasks was achieved through the use of documents kept in the funds of the State Archive of the Russian Federation and the State Archive of the Penza Region: the minutes of the Art Workers Union Management meetings, urban population censuses of 1923 and 1926, the Personnel Books of the Penza Art Workers Union Provincial Branch, questionnaires of the Penza Provincial Art Workers Union members and other documents. The methodology of the article is based on the principles of objectivity, historicism, and value approach that are traditional for historical research. Methods of comparison, analysis, generalization are used. The concept of social constructionism or the theory of constructing a new social reality, in which frameworks the artistic intelligentsia appears in the rank of an object and at the same time an instrument of state policy for the formation of a new cultural identity that guides the society towards the perception of the values of modernism, have a special importance for solving research problems. The theory of modernization presented in the historical and cultural focus that stands for the priority of spiritual processes have a high cognitive value for this study.

Results. Social, national, professional and party composition of the Penza artistic intelligentsia, the level of its education in the context of all-Russian trends have been studied.

Conclusions. The data obtained as a result of the research explains the state policy towards the artistic intelligentsia in the first decades of the Soviet power. It also allows to trace the causes and effects in the process of the creative intelligentsia formation and conditionality of the process by the economic condition and agrarian specificity of the Penza region in the period under review. The extreme narrowness of the social layer responsible for the reproduction of the ideological model that reconciles peasant civilization with the ideals of modern society, and the powerful influence of traditionalism moved the task of uniting the split society to a very remote perspective, that interrupted the success of industrialization.

Key words: artistic intelligentsia, social, national, professional and party composition.

Изучение положения художественной интеллигенции в советском обществе 20–30-х гг. XX в., ее роли в культурных преобразованиях этого периода невозможно без обращения к вопросу об изменениях, произошедших в ее социальной и профессиональной структуре в первые постреволюционные десятилетия. Перспективы формирования новой социальной прослойки в эту эпоху связывались с определенной потребностью в создании проводника универсальной государственной идеологии, в выстраивании каналов коммуникации власти и народа, нацеливающих на централизацию управления. Особую остроту моменту добавляло сопряжение противоположных векторов развития идеологической модели: для крестьянства это реализация возможности возвращения к древним идеалам, для рабочих – ограниченная модернизация с необходимостью ослабления капитализма и укрепления собственного положения, для интеллигенции – создание совершенного и однородного общества высшей Правды [1, с. 397]. Вместе с тем тотальное вытеснение и замещение любых моделей помимо марксизма вряд ли можно считать самоцелью и предпосылкой для складывания системы политического контроля в советском государстве. Это не только способ противостояния «социальной истерии» и сохранения единства страны [2, с. 22, 25], скорее, утилитарное прочтение модной идеологии можно интерпретировать как уникальную форму организации социума, «застывшего» между двумя основными цивилизациями – традиционной и либеральной [1, с. 396]. В этом случае к особенностям советской модернизации следует отнести ее дуализм, опору не только на индустриализацию и урбанизацию, но и на воспроизводство культурной основы, ориентированной на коллективизм, неприятие рыночных ценностей, на идеал всесторонне развитого, гармоничного человека [3, с. 17].

Социальное предназначение творческой интеллигенции в этом контексте прочитывается как эмоционально-мобилизующее начало в системе ресурсов индустриализации, а также как необходимое условие для развития массового образования и науки, основы общества будущего. Усложняет задачу тот факт, что, выступая «ответом» на «вызовы» Запада, российская модернизация будет носить неорганически-мобилизационный характер, проецирующий ситуацию социокультурного раскола на прозападные элиты и народ, тяготеющий к традиционному образу жизни [4, с. 242].

В практическом воплощении формирование «инструмента» модернизации виделось как политика последовательной подготовки кадров новой, рабоче-крестьянской интеллигенции. Главная роль в этом деле принадлежала высшей и средней специальной школе. Основные направления ее работы были определены на партийном совещании по вопросам народного образования, созванном по инициативе ЦК РКП(б) в конце декабря – начале января 1921 г. Направленность риторики свидетельствовала о необходимости концентрации усилий на политическом воспитании студентов и подготовке большого количества специалистов из рядов пролетариата и, в особенности, из партийных рабочих.

Этому способствовала и ликвидация автономии высшей школы, оформленная в сентябре 1921 г. специальным положением «О высших учебных заведениях РСФСР»: Советское государство получило возможность направлять ее учебную и воспитательную деятельность. Реорганизация высшей школы открыла широкий доступ в ее аудитории трудящимся. Для них открывались рабочие факультеты, готовившие их к поступлению в вузы.

В то же время большое внимание уделялось привлечению к делу строительства социализма старых специалистов. Это объяснялось тривиальным отсутствием классово ориентированной рабоче-крестьянской интеллигенции, необходимостью сохранения интеллектуального багажа, обеспечивавшего технологический прогресс. Специалисты в области промышленности и сельского хозяйства имели все основания найти применение собственным знаниям в структурах советской экономики. В этой системе координат не оставалось места лишь для гуманитарных и обществоведческих наук: носителям либеральной идеологии в своем Отечестве была уготована участь по меньшей мере изгнанников. Во многом это определялось шаткостью позиций марксизма в крестьянской стране: отправляя «философские пароходы», власти пытались решить проблему унификации и монополизации идеологической модели. Нехватка воспитателей для народа остро переживалась лидером большевизма: «...почти пять лет спустя после завоевания политической власти пролетариатом в его, пролетариата, государственных школах и университетах учат (вернее, развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу» [5, с. 52].

Что же представляла собой интеллигенция раннесоветской эпохи? Городские переписи населения в 1923 и 1926 г. не позволяют определить общую численность художественной интеллигенции в стране и в отдельных ее регионах: демографические исследования попросту не содержали такой графы. Графа «лица свободных профессий» объединяла не только художественную интеллигенцию, но и инженеров, врачей, учителей и т.д., имевших частную практику. Входили в нее и священнослужители различных культов [6, с. 58].

Известно лишь, что собственно интеллигенция как совокупный носитель интеллектуального багажа цивилизации в целом, в городах Европейской России составляла лишь 5,8 % самодеятельного населения и удельный вес художников, музыкантов, артистов в ее составе был невелик. Так, в Пензенской губернии процент лиц свободных профессий по переписи 1923 г. был значительно ниже среднего показателя по Европейской России – 1,6 % [6, с. 58].

Уже в начале 1920-х гг. заметным явлением повседневной жизни творческой интеллигенции становится ее организация в профессиональные союзы. Сегодня делопроизводственная документация подобных объединений выступает достоверным свидетельством о качественном составе изучаемой социальной группы. Согласно протоколам заседаний Правления союза, на 1 января 1925 г. в организации состояло режиссеров 3 %, актеров – 25 %, музыкантов – 23 %, работников эстрады и цирка – 3,4 %, художников – 5,3 %, фотографов – 0,9 %, художественного персонала кинопредприятий – 0,5 %, обслуживающего персонала – 1 %, технического персонала – 2,6 %, композиторов, драматургов, сценаристов – 0,4 %, преподавателей и научных работников по искусству – 7,5 %, кружководов клубов – 1,5 %, прочих – 10 % [7, л. 15].

На начало 1927 г. соотношение профессий внутри союза несколько изменилось: на 1 % снизился численный актерский состав, на 1,4 % – режиссерский, на 3 % уменьшилась численность музыкантов, на 0,3 % – композиторов, драматургов, сценаристов. В то же время произошло некоторое увеличение численности работников цирка и эстрады (до 5 %), художников (до 5,6 %), фотографов (до 1,4 %). В сторону уменьшения незначительно варьировалась

численность остальных, перечисленных выше, категорий работников творческих организаций [7, л. 12].

В числе причин этих изменений – организационно-технические, в частности перераспределение профессий между группами творческих работников. Так, если в 1925 г. дирижеры входили в группу режиссеров, то в 1927 г. их причислили к музыкантам. Кроме того, в 1927 г. из союза вышла часть драматургов и сценаристов, пожелавших войти в союз на правах секции «Союза драматических писателей». Эта реорганизация также сказалась на численности членов Всерабиса [7, л. 16].

О сильном партийном «ядре» в художественных организациях губернии говорить не приходится: даже в руководящих союзных органах губернии членов партии было значительно меньше, чем по промышленным союзам – всего 38,3 %, в уездных отделениях и того меньше – 13,8 %. В целом же в профсоюзе работников искусств Пензенской губернии партийная прослойка составляла 22,1 %. Данные по членам комсомола выглядят еще более бледными: 6,5 % по союзу в целом. Практически аналогичными были показатели в руководящих органах союза: 7,1 и 6,5 % в губернских и уездных отделениях соответственно [7, л. 30]. С большой долей вероятности можно предположить, что причины кроются не только в политической немотивированности творческих работников, но и в демографических показателях. Авторы не располагают статистическими данными о возрастном составе пензенской художественной интеллигенции, однако изучение архивных документов позволяет сделать вывод о том, что лиц комсомольского возраста в ее рядах было меньше, чем иных.

Оценивая степень тяготения художественной интеллигенции к участию в политической жизни, к партии и комсомолу, следует иметь в виду, что приведенные выше показатели включают не только собственно интеллигенцию, но и прочих членов профсоюза работников искусств. Изучение их анкет приводит к выводу о том, что членами партии и комсомола являлись в основном технические, хозяйственные работники с низким уровнем образования [8, л. 1, 2, 11, 12, 17, 27, 30, 31].

Одной из причин такого положения являлось неприятие художественной интеллигенцией вмешательства политики в творчество, традиции свободы и независимости, в силу которых интеллигенция в подавляющем большинстве позиционировала себя вне политики и в очередь на вступление в партию и комсомол не выстраивалась. В то же время руководящие партийные органы искусственно поддерживали строго заданный социальный состав партийных рядов, устанавливая квоты для приема рабочих, крестьян, интеллигенции. И приоритет молодое рабоче-крестьянское государство отдавало первым двум категориям населения, тем более что интеллигенция в начале 20-х гг. XX в. еще только определялась со своей политической позицией, ее социальное мировоззрение было в значительной степени неустойчивым.

Изучая вопрос о численности творческих работников Пензенского края, авторы обратились к книге личного состава Пензенского губернского отделения профессионального союза работников искусств. Ее данные показывают, что в 1924 г. организация насчитывала около 600 членов. Следует учитывать, что отдельной статистики по художественному и обслуживающему персоналу творческих предприятий в профсоюзе не велось, поэтому в ука-

занное выше число входили и билетерши, и кассиры, и сторожа этих предприятий [8, л. 42]. Но даже с учетом этого факта организацию можно назвать весьма внушительной.

1920-е гг. характеризуются отсутствием стабильности кадрового состава зрелищных предприятий. Это было связано и с безработицей, которая заставляла творческих работников переезжать из города в город в поисках работы, и погоня за более высокими заработками (этим отличались наиболее востребованные артисты, режиссеры и др., не задерживавшиеся, как правило, в одном театре более чем на два сезона). Документы свидетельствуют, что ежегодно кадровый состав профсоюза «Рабис» в Пензенском крае менялся не менее чем на треть [8, л. 54].

Социальный статус представителей художественной интеллигенции Пензенского губернского профессионального союза работников искусств представлен в материалах анкет. В начале первого десятилетия Советской власти 10 % из них являлись выходцами из дворян (больше всего дворянок было в числе актеров). В артистической среде можно было встретить и представителей духовенства (особенно на оперной сцене).

Основная же масса артистов происходила из мещан и крестьян: 50 и 40 % соответственно. Причем творческие амплуа выходцев из крестьян были связаны преимущественно с музыкальным искусством и пением в хоре [9, л. 23, 30, 44, 50, 65, 70, 73, 98].

В национальном составе доминировали представители русской национальности, но многонациональный характер Средне-Волжского региона в целом и Пензенского края в частности проявился и в составе профсоюза работников искусств: в нем были армяне, немцы, евреи, татары, литовцы, греки и даже чехи, поляки, швейцарцы [8, л. 1, 6, 7, 9, 10, 12, 14, 15].

Национальный состав творческой интеллигенции Пензенского края в целом соответствовал общероссийским показателям. Удельный вес представителей русской национальности в общей массе республиканской художественной интеллигенции составлял 76 %. Евреев насчитывалось 11,3 %, прочих – 12, 7 % [7, л. 30].

Поскольку власть представляла (и вполне обоснованно) художественную интеллигенцию силой, способной проводить в массы идеологические и политические установки, формировать новую духовно-нравственную культуру общества, она должна была позаботиться о воспитании в духе идеалов социализма самой интеллигенции, и в этом отношении власть будет проводить целенаправленную работу.

Однако успех политического воспитания масс зависел и от уровня образования интеллигенции, особенно провинциальной. Пензенская губерния, традиционно занимавшая одно из последних мест в стране по грамотности населения, не могла похвастаться наличием высококвалифицированных специалистов и в области искусств. Актеры в большинстве своем имели среднее общее образование, некоторые – низшее. Наличие высшего образования было редким исключением. Из 110 актеров его имели только пятеро [8, л. 5].

Большинство пензенских артистов – 80 % – не имели специального актерского образования. Исключительным явлением были актеры с дипломами Ленинградской консерватории, Харьковского театрального училища, Ленинградского театрального училища и музыкальной драматической школы в Екатеринославле [8, л. 2, 3, 7, 9].

Численность музыкантов превосходила численность артистов и составляла примерно 130 человек. Объясняется это простым соотношением числа зрелищных предприятий и числа предприятий народного питания. Если артисты были востребованы только в театрах, реже – в кино (озвучивание немого кино), еще реже – в рабочих клубах (редкий клуб мог позволить себе роскошь платного квалифицированного руководителя драматического кружка), то у музыкантов сфера приложения труда была значительно шире за счет многочисленных заведений народного питания, куда их часто приглашали развлекать публику.

Из приведенного числа музыкантов только шестеро имели высшее образование, примерно столько же – низшее, остальные – среднее. Большинство музыкантов, так же как и актеры, были самоучками. Специальное образование имели единицы.

В числе учебных заведений, давших профессиональное образование редким пензенским музыкантам, Пензенский музыкальный техникум, Московская филармония [8, л. 7] и Московская консерватория. Естественно, это были специалисты высокой квалификации, в основном дирижеры местных оркестров: А. С. Турищев [2, л. 8] и С. Ф. Баторин (зав. музыкальным техникумом) [8, л. 12]. В этом ряду был даже выпускник Дрезденской консерватории [8, л. 18]. Библиотекой в Пензенском музыкальном техникуме заведовал выпускник Академии искусств.

Изобразительное искусство в Пензенском крае представляли художники-преподаватели Художественного техникума и театральные художники-декораторы. В 1924 г. в союзе работников искусств их было 15 человек. 13 из них имели среднее специальное образование, полученное в Пензенском художественном училище. Выпускниками Академии художеств были Иван Силевич Горюшкин-Сорокопудов, в то время преподаватель Художественного техникума, и Николай Филиппович Петров, заведовавший техникумом. Один из художников окончил Московское художественное училище [8, л. 10].

Таким образом, анализируя качественный состав низовых отрядов раннесоветской интеллигенции, следует отметить крайнюю узость социальной прослойки, ответственной за воспроизводство и трансляцию идеологической модели, примиряющей крестьянскую цивилизацию с идеалами современного общества. Этот фактор в дополнение к мощному влиянию традиционализма отодвигал на весьма отдаленную перспективу решение задачи объединения расколотого общества, что объективно препятствовало успеху индустриализации. Осознание этого факта правящей элитой проявилось в политической стратегии культурной революции, направленной на повышение общей грамотности населения и массированное формирование интеллигенции, новой по своему социальному составу и подконтрольной монополю властвующей партии, организованной и объединенной в иерархические структуры массовой когорты проповедников коммунистической идеологии.

Библиографический список

1. **Ахиезер, А. С.** Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) : в 2 т. Т. 1. От прошлого к будущему / А. С. Ахиезер. – 2-е изд. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. – 805 с.
2. **Володина, Н. А.** Предпосылки формирования советской системы политического контроля / Н. А. Володина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 19–26.

3. **Федотова, В. Г.** Типология модернизаций и способов их изучения / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2000. – № 4. – С. 3–27.
4. **Федотова, В. Г.** Модернизация «другой» Европы / В. Г. Федотова. – М. : ИФ РАН, 1997. – 255 с.
5. **Ленин, В. И.** Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. – М. : Изд-во политической литературы, 1970. – Т. 45. – 729 с.
6. **Жиромская, В. Б.** Советский город в 1921–1925 гг.: Проблемы социальной структуры / В. Б. Жиромская. – М. : Наука, 1988. – 169 с.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5508. Оп. 1. Д. 840.
8. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 38.
9. ГАПО. Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 8.

References

1. Akhiezer A. S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii): v 2 t. T. 1. Ot proshlogo k budushchemu* [Russia: historical experience critics (socio-cultural dynamics of Russia: in 2 volumes. Vol. 1. From the past to the future)]. 2nd ed. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 1997, 805 p.
2. Volodina N. A. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2013, no. 4 (28), pp. 19–26.
3. Fedotova V. G. *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy]. 2000, no. 4, pp. 3–27.
4. Fedotova V. G. *Modernizatsiya «drugoy» Evropy* [Modernization of “another” Europe]. Moscow: IF RAN, 1997, 255 p.
5. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Complete collection of works: in 55 volumes]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury, 1970, vol. 45, 729 p.
6. Zhiromskaya V. B. *Sovetskiy gorod v 1921–1925 gg.: Problemy sotsial'noy struktury* [The Soviet town in 1921–1925: Problems of social structure]. Moscow: Nauka, 1988, 169 p.
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. R-5508. Op. 1. D. 840.
8. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO)* [State Archive of Penza Region (GAPO)]. F. R-398. Op. 1. D. 38.
9. *GAPO*. F. R-398. Op. 1. D. 8.

Федосеева Людмила Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра всеобщей истории
и обществознания, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: fedoseeva-penza@yandex.ru

Fedoseeva Lyudmila Yur'evna

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of history and
social sciences, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Гаврилова Татьяна Викторовна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра всеобщей истории
и обществознания, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: gatatiana@yandex.ru

Gavrilova Tat'yana Viktorovna

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of history and
social sciences, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 980

Федосеева, Л. Ю.

Социальный, национальный, профессиональный и партийный состав художественной интеллигенции Пензенского края в 1920-е гг. /
Л. Ю. Федосеева, Т. В. Гаврилова // Известия высших учебных заведений.
Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 51–59.
DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-6